

Во имя покаяния и примирения

Комсомолец Узбекистана — Пакистана. — 1990 — 20 дек.

Беседа с историком и писателем Гелием Рябовым

Беседу вел отец
Виктор ПОТАПОВ,
[«Русская мысль»,
Париж — ИМА-пресс].

— Гелий Трофимович, в прошлом году вы потрясли мировую общественность сообщением о том, что вы нашли место захоронения последней русской царской семьи.

Появились публикации в советской, в зарубежной печати о вашей находке... Говорили очень многие и «за», и «против». Хотелось бы услышать от вас, как вы восприняли вот этот ажиотаж вокруг вашего открытия и как вы отнеслись к критике вашего открытия?

— К критике я отнесся совершенно спокойно потому, что критика подобного, как вы изволили сказать, открытия — это совершенно неизбежная стадия в этом деле.

— Много времени уже прошло с тех пор, как вы заявили об этом в печати. Что произошло, что следовало бы нам знать? Наверное, шли всякие переговоры, всякие предложения были сделаны о том, как поступить теперь? Воздвигнуть ли памятник на этом месте, похоронить ли останки царской семьи (вы убеждены в том, что это — они) научной экспертизой?

— Прежде всего я хотел бы сказать о том, что никак не забываю, что в течение 65 лет в России властвовала крайняя, страшная сила большевизма, которая только где-то с 1985 года начинает постепенно трансформироваться и приобретать, я бы осторожно сказал, «человеческое лицо»... А в связи с этим давайте представим себе: как же могут отнестись внутри страны к этому открытию? Вот среди этих писем, которые я полу-

чил и которые передала мне редакция, достаточное количество праведных, прекрасных, размышляющих писем о судьбе страны, о судьбе династии, о том, что произошло 28 февраля 1917 года, 25 октября 1917 года; но я не скрою, что достаточное количество писем яростно непримиримых. Эти письма подвергают меня анафеме на уровне если не церковном, то советском. Они заявляют, что я мерзавец, что я совсем не желаю думать о погибших советских людях, а думаю о «кровавом царе», за которого даже «Богородица», — как одна дама написала, перефразируя Пушкина, — молиться не велит! Я вдруг с ужасом обнаружил для себя, что влияние большевистской пропаганды привело к полной каше в головах моих соотечественников. С одной стороны, люди говорят: почему же вы ничего не говорите о трех миллионах погибших, которые лежат неизвестно где, и говорите о царе; а с другой стороны, не отдают себе отчета в том, что царь и его семья были первыми мучениками в этом мартирологе. Они занимают первое место. А эти миллионы — их по меньшей мере семьдесят — они же положены во гроб не белогвардейцами, не царем, их большевики в гроб уложили.

За то время, что прошло с опубликования этих материалов, произошли следующие события. Дважды я побывал на Старой площади в Москве, в Центральном Комитете партии, в идеологической комиссии; должен вам сказать, что определенный прогресс у этих людей для меня очевиден, они нормально разговаривают, говорят, что понимают, что совершилась несправедливость; Романовых, конечно же,

надо похоронить по-человечески. Но при этом они говорят, и субъективно мне кажется, что они искренни: как это сделать? Где их похоронить? В Москве, в Архангельском соборе? Это резиденция правительства Коммунистической партии в Петербурге? Но это «колыбель» Октябрьской революции... Значит — где? В Екатеринбурге? Но в Екатеринбурге в тот момент властвовал безраздельно Бобыкин, 1-й секретарь Свердловского обкома КПСС, человек совершенно непримиримый, старой закалки.

Значит, где же их похоронить? Я тоже не знаю, но, наверное, без власти предрешающих это решить невозможно. Они говорят: если вы попытаетесь создать какое-то общественное движение — а я пытался это сделать, и я не один, — вы понимаете, что может произойти? Вы понимаете, что делается в раздетой, голодной, холодной стране, куда достаточно бросить спичку для того, чтобы все вспыхнуло? Вы можете гарантировать, что в связи с вашими действиями все не вспыхнет? Я сказал, что убежден: не вспыхнет, потому что все, что пытаюсь делать я, во благо; ведь это черта под гражданской войной. Это черта под кровью, смертью, разрушением.

Неужели не должны мы подвести черту под кровавой, братоубийственной войной, когда русские убивали русских, когда отец шел против сына и наоборот?

Я сказал, что убежден в том, что никаких дурных последствий быть не может, потому что Романовы, по слову Пьера Жильяра, давно уже сделались нравственно си-

лою, силою духовною. Они канонизированы в 1981 году Зарубежной Русской Православной Церковью во благо всем нам. Видимо, однако, эти люди еще не созрели, не дошли до этой мысли; видимо, надо ждать.

Теперь что касается размышлений по данному поводу. Я думаю, что есть целый комплекс обстоятельств, связанных с этой находкой, которые можно условно разделить на две части.

Первая часть — это то, что установил Николай Алексеевич Соколов, следовательно, который вел расследование; второе — то, что удалось установить мне.

Я проверял свою находку по тем показаниям, которые есть в «Деле» Соколова, проверял неоднократно! С моей точки зрения, все совпадает.

Есть объективные обстоятельства. Ну, известно всем сегодня, что мне вместе с моими товарищами, которые работали со мной, удалось сфотографировать все то, что мы делали. Конечно, археологически мы работали грубо. Естественно, 1979-й год! И мы, конечно, работали, я не скрою, опасаясь! Работали в страхе, потому что власти того времени, несомненно, не пощадили бы нас. Но то, что нам удалось сделать, сфотографировать месяц назад, я предъявил честным людям, профессиональным экспертам, которые осмотрели эти фотографии, исследовали их, описали их; кроме того, я показал им слепок черепа, как я полагаю, принадлежащий наследнику цесаревичу Алексею Николаевичу; в тот момент ему было 14 лет, когда его убили. Они все это осмотрели.

Каковы их предположительные, предварительные выводы? Три черепа в фотографиях и одном слепке, которые я предъявил, принадлежат: отцу, которому примерно 50 лет, сыну, которому примерно 14—15 лет, и дочери, которой примерно 16—18 лет, т. е. если к этому добавить то, что мне удалось найти в этой яме — осколки от банок серной кислоты, а на черепках обнаружить входные и выходные пулевые отверстия, следы ударов, то ясно, что людей добивали лежащих; разбитые вдребезги лица — это полностью совпадает с запиской исполнителя этой ужасной акции Якова Юровского. Для того, чтобы их не могли опознать белые, если найдут, лица были вдребезги разбиты прикладами. Вот если это поставить рядом с тем, что сказали медики-эксперты, криминалисты, то, в общем, вырисовывается картина, которая, на мой взгляд, совпадения включает. В этой яме лежат убитые бессудно, безжалостно, без покаяния христиане — Романовы, первые на Руси царственные мученики! Как же поступить теперь?

Понимаете, мне кажется, что моя позиция абсолютна. Ведь я не ишу ни славы, ни наград, ни даже «спасибо». Однажды один человек прислал мне письмо из Соединенных Штатов Америки и спросил меня: «Вы-то чего ищете? Вы-то чего хотите?» Я ответил ему: «Ни наград, ни воздаяния, вообще ничего! Мне ничего не надо! Мне нужно исполнить свой долг! И я исполняю его в меру своих возможностей». Поэтому моя позиция проста. Давайте под международным контролем, с заинтересованными лицами, родственниками

погибших Романовых, вскрыем эту страшную яму, исследуем останки и придем к какому-то выводу. Я убежден — это Романовы. А экспертиза покажет!

— Вот вы говорите, что вы не ищете славы. Но вот, наверное, есть люди, слушают вас и думают: «Ну, наверное, он все это дело затеял для того, чтобы, может быть, кино сделать, может быть, книгу написать, чтобы эта книга стала бестселлером». На Западе, например, у нас периодически появляются книги о том, что объявилась какая-то очередная Анастасия или какой-то находчивый человек нашел царские богатства, и вот пишут такие книги. Другие могут сказать: ну да, Гелий Трофимович так говорит потому, что он — монархист и старается, так сказать, популяризировать монархическую идею в России... И действительно, вы написали киносценарий, вы собираетесь ставить фильм...

— Вы прекрасно понимаете, что на сегодняшний день мы пока еще живем в тоталитарной стране, и без участия власти мы ничего сделать не можем. Представьте себе, вот Юрий Николаевич Афанасьев, ректор Московского историко-архивного института, предложил мне: я дам вам студентов, поезжайте на это место, откапайте. Это я фантазирую сейчас. Так вот, скажем, мы начали откапывать; и пришла милиция специального назначения, всем надела наручники за нарушение так называемого общественного порядка (это я продолжаю фантазировать) и отправила нас всех в каталажку на три дня. А на это место, которое уже открыто нашими необдуманными действиями, привезена машина

динамита и место уничтожено навсегда. Кто будет нести за это ответственность? Я?! Значит, для того, чтобы склонить власть к определенным действиям, необходимо мировое общественное мнение.

А мировое общественное мнение в данной ситуации можно расширить талантливым сделанным фильмом и хорошо написанной книгой. Поэтому и фильм, и книга, если появятся, преследуют одну-единственную благую цель — побудить мировое общественное мнение к давлению на власть, благому давлению, я это подчеркиваю, которое привело бы все-таки к определенным решениям и сдвигам в этом вопросе.

— Суммируем сказанное. Вы глубоко убеждены в том, что открытие останков царской семьи, мощей будет как бы глубоко духовным актом, который может положить начало покаянию за содеянное глобальное преступление, совершенное в России, т. е. привести к выздоровлению, возрождению этой истерзанной страны. Правильно ли я это понимаю!

— Да, батюшка, правильно. В Праге на Ольшанском кладбище стоит памятник-часовня, на которой белогвардейцы еще в двадцатые годы написали: «В память всех, павших на поле междоусобной брани, память их в род и род!» Они были великодушнее нас! Даже Франко, которого здесь всегда называли фашистом, поставил стометровый обелиск и написал на нем: «Жизнь вас разъединила, но смерть соединила вновь!»

А у нас нет памятника «красным» и «белым», русским и всяким иным, без различия